**Т.С. Родионова**, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rodionova.tatiana@smi.msu.ru

# ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*В статье дается характеристика ряда работ зарубежных исследователей, касающихся истории российской печати и не переводившихся на русский язык (за исключением книги проф. Ч. Рууда "Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин"), в которых авторы демонстрируют актуальные и оригинальные подходы к предмету, предлагают некоторые методологические и методические аспекты исследования истории журналистики России, представляющие интерес для отечественных ученых.*

***Ключевые слова:*** *история журналистики России, дооктябрьский период, зарубежные исследования.*

*The article is concerned with a series of books and articles written by western researches and dedicated to the history of Russian journalism in pre-October era. Nearly all of them had not been translated into Russian up to this time. The author shows actual and original views on the subject, and offers some general and methodical aspects of studying history of Russian journalism which may be interesting for our scientists.*

***Key words:*** *history of Russian Journalism, pre-October period, foreign researches.*

(*Окончание. Начало см. в № 3 за 2010 г.*)

Публикация, охватывающая глобальную тему, связанную с историей русской журналистики, — сборник "Литература и общество в имперской России, 1800—1914", изданный в США в 1978 г. [Literature and Society..., 1978].

"Литература" понимается здесь в широком смысле слова[1]: как отмечено в предисловии, в очерках сборника она рассматривается как «социальный институт: писатель, читатель (или слушатель), литературная работа и "коды" (кодексы, правила), с помощью которых работа оказывается состоявшейся и воспринятой" ("...Literature as a social institution: the writer, the reader (or listener), the literary work, the codes through which the work is constituted and received").

Интерес для историков русской журналистики представляет большой очерк Дж. Брукса "Читатели и чтение в конце самодер-

[1] Вспомним, что и в дооктябрьской России словом "литератор" часто было принято называть журналиста.

жавной эры" [Brooks, 1978], где исследуются интересы и состояние читательской аудитории. Вопросы, поднятые в очерке, рассматриваются, в частности, как бы сквозь призму идеи "двух культур" — традиционной и модернистской. По мысли автора, каждой из них соответствует своя структура печати и читательских потребностей.

Выделяется психологический и социальный контексты работы. Здесь, к примеру, идет речь о социальных стратах в городе и сельской местности, о партийной газете "Речь" в контексте ее "внепартийных" характеристик, о В.И. Ленине и газетах-"копейках" и пр.

В главе 1 утверждается, что литература — продукт современного общества, который должен не только отражать жизнь этого общества, но и служить делу перемен в нем, его "трансформации". Дж. Брукс считает, что такое положение (т.е. представление о задачах литературы, а точнее даже, "концепция культуры") находит выражение в критических позициях радикальных западников [Literature and Society..., 1978, p. 100]. Эта позиция, — пишет далее Брукс, — имела мало общего с революционными демократами и внутри нее существовали разные подходы к ее решению (либерал Милюков — европеизация; Михайловский и др. — связь интеллигенции с "массами"; марксисты — развитие сознания рабочего класса). Все эти особенности Дж. Брукс связывает с таким явлением, как "культура интеллигенции" ("intelligentsia culture"). "Радикальным западникам" симпатизировали и представители интеллектуальной элиты, и "рядовые специалисты"; для них, по мысли автора, "культура интеллигенции" была способом некой идентификации своей личности, — "так же, как это было с Новиковым на столетие раньше" [ibid.]. Таким образом, Брукс делает попытку выделить *характерные для эпохи признаки читательской аудитории*[2], изучая как идейные и партийные предпосылки ее формирования, так и социальный состав, находя связующие звенья между этими элементами.

Так, говоря об особенностях этой новой аудитории, Брукс замечает: "Это были и не фермеры, и не западноевропейские буржуа, но довольно причудливый — в силу особого исторического развития России — средний класс из специалистов и администраторов, многие из которых служили в центральных и местных государственных структурах" (например, в 1897 г. из более чем 700 тыс. администраторов и специалистов только 200 тыс. работали в частнопредпринимательском секторе и сельском хозяйстве, а примерно 370 тыс. находились на службе в государственных учреждениях здравоохранения, образования, культуры и связи) [ibid., p. 99].

Вся аудитория, по мысли Брукса, состояла из отдельных групп, приверженных собственной "подкультуре". При этом возникает

[2] Курсив здесь и далее мой. — *Т.Р.*

своего рода “вторая культура” новой аудитории: “Переоценка ценностей среди образованных русских людей породила новые перспективы и измененное чувство единения в среде читателей беллетристики. В то же время возникает небольшая, но значимая читательская клиентура, пристрастившаяся к особенной, экзотической литературе русского модернизма”[3] [ibid., p. 98].

Для вышеназванного “среднего класса”, как показывает автор, естественным было формирование критического подхода к жизни и соответствующего образа чтения. Развивалось стремление сделать жизнь и в городе, и в деревне “цивилизованной”. Шла “культурная работа”, и в этом смысле Брукс придает значение также и “малым делам”, которые, как верили их сторонники, могли бы помочь преобразовать общество. Здесь автор приводит как пример личность “либерального лидера” П.Н. Милюкова [ibid., p. 100] и издание “Истории русской культуры”, опубликованное в 1890-е гг.

Дж. Брукс обращается к примерам культурных и политических процессов в жизни других народов, чтобы ярче выразить свое представление о соответствующих тенденциях в культурном слое России. В этой связи он показывает, в частности, следующую антитезу: «В то время как китайский культуризм (“culturism”) поддерживал существующий порядок, русский культуризм осуждал его. Для многих образованных русских людей факт национальной принадлежности отошел на второй план на фоне культурной принадлежности, основанной на жизненных идеалах интеллигенции и вбирающей опыт культурных связей между Россией и Западом. Чувство культурного превосходства и дистанцированности от народа придали русской интеллигенции сознание особой роли, которую она должна была исполнить по отношению к массам. В данной статье культуризм объясняется этим единением понятий об истинных ценностях и своей миссии» (примечания к с. 100—101).

Предварительный анализ особенностей аудитории конца XIX — начала XX в. подводит к *характеристике аудитории тех или иных типов периодики*. “Толстые” журналы, — пишет Брукс, — издавались для элитной публики, “тонкие” — для менее образованной и провинциальной. В начале XX века начался рост потенциальной аудитории, и с этим связано, как видит автор, появление “Журнала для всех” тиражом 80 тыс. экз. (в 1903 г.). Брукс выделяет также такую страту, как “пассивный”, но образованный читатель. Для подобной категории читающей публики выходит — еще с 1870-х гг. — “Нива”.

[3] “A reording of values among educated Russians gave the traditional public for belles lettres new perspectives and an altered sense of community. At the same time <...> appeared a small but significant reading constituency wedded to the exclusive and exotic literature of Russian modernism”.

В главе 2 работы Дж. Брукс развивает *мысль о новом типе читателя*, не похожем на традиционного русского интеллигента XIX в., и подчеркивает *закономерность появления такого типа в европейском контексте:* "Тот тип читателей, которого требовала новая литература — и который она в конечном счете обрела, — напоминал тип, сформировавшийся во всех ведущих индустриально развитых обществах Запада: *деполитизированную аудиторию*, имеющую совсем иное понятие о литературе и культуре, чем то, которым обладали культурные (culturist) интеллектуалы в России XIX века"[4] [ibid., p. 106]. «Возможно, — продолжает Брукс, — нет ничего лучше, чтобы продемонстрировать постепенное выявление этой новой публики и возрастающую неуверенность (increasing uncertainty) старых интеллектуалов, чем обратиться к образцам литературной критики <...> после 1905 года в <...> газете кадетской партии "Речь". После 1905 г. кадеты завоевали широкую поддержку в новом среднем классе технократов (technocrats). Среди лидеров кадетов, — подчеркивает автор, — были прежде всего русские интеллектуалы (Russia's foremost intellectuals). Даже после поражения революции 1905 г. перед этими людьми стояла задача выражения демократических идеалов и оптимизма новой эры — вне "партийности" литературы, как ее понимал Ленин» [ibid.].

Таким образом, Брукс находит резонным выделить "внепартийные" функции деятелей партийной "Речи", подводя фактически к их общекультурной, общенациональной роли.

Изучая изменения в аудитории ближе к 1914 г., Брукс обращается к модернизму и его влиянию, проникновению модернистских публикаций на страницы либеральных изданий, показывая *процесс ассимиляции новой культуры*: «Появление работ модернистов в либеральных газетах, журналах <...> означало "смягчение" культурных предпочтений значительного числа образованных русских людей, так же как и перемены в самом движении модернистов» [ibid., p. 108]. Автор обращает внимание на отношение модернизма к обществу, отмечая, в частности, что после 1905 г. "движение утратило значительную долю своей антиобщественной воинственности (militancy) и аморальности, однако <...> продолжало оскорблять чувства образованных читателей" [ibid., p. 107]. Тем не менее постепенно формировалась тенденция, отмеченная автором в небезынтересном *контексте эволюции газетной прессы:* модернизм "поворачивает в сторону более выраженной социальной тематики", что обеспечивает ему более лояльный прием в печати. Здесь

[4] "The kind of reading public the new literature demanded, and eventually succeeded in getting, resembled the one that developed in all the major industrialized Western societies, a depoliticized public concerned with a very different attitude towards literature and culture than that of the culturist intellectuals of 19 century Russia".

Брукс для сравнения ссылается на то, как еще совсем незадолго — в 1908—1909 гг. — В. Брюсов замечал, что "все газеты закрыты" для него [ibid., p. 108].

Однако большая часть читательской публики демонстрировала устоявшиеся ранее предпочтения, обращаясь к более привычной литературе. С фактом такой "консервативности" Брукс связывает успех Мамина-Сибиряка, В.И. Немировича-Данченко, Амфитеатрова. Первые добились его, как пишет автор, за счет своего умения "увлекать читателя в далекие, экзотические места", а Амфитеатров — "за счет своей способности описывать волнующие ситуации". Успехи беллетристики служили, между тем, неким индикатором психологического состояния аудитории, литература выполняла роль социально-психологического ориентира и, как пишет Брукс, "была, по крайней мере, иллюзия, что роман давал читателю информацию об окружающем мире и о том, как в нем жить" [ibid., p. 114].

Все это способно пролить свет на некоторые причины особенной популярности тех или иных органов печати. В главах 2 и 4[5] Брукс рассматривает обстоятельства успеха таких изданий, как "Синий журнал"[6], "Московский листок", "Газета-копейка" и других газет-"копеек".

По мнению Дж. Брукса, настоящий подъем читательского интереса среди городского населения произошел лишь после 1905 г. Говоря об "урбанистической массовой литературе", Брукс связывает с ней в первую очередь аудиторию городской бедноты [ibid., p. 145]. В главе 4 автор отмечает тот хорошо известный сегодняшним историкам отечественной печати факт, что уже в предшествующие годы такие издания, как, например, "Московский листок", пытались расширять свою аудиторию за счет беллетристики. Автор характеризует эту аудиторию как "массовую". Часть ее составляли рабочие. Однако, как считает Брукс, "рабочие, привратники и лавочники" — "низшие классы" — читали еще очень нерегулярно, и беллетристика не могла завоевать прочного успеха в этой среде. Ситуация стала меняться в начале XX в., в послереволюционные годы, когда "литературные предпочтения городских масс впервые

[5] Главу III мы не будем рассматривать в силу заданных границ данного очерка. Заметим лишь, что она касается вопросов становления массовой аудитории конца XIX в., преобладания "культурной литературы" над лубочной, "пионера"-издателя для крестьян — фирмы «Посредник", развития школ в сельской России, а также влияния на рост читателей Русско-японской войны и революции 1905 г.

[6] Еженедельный "Синий журнал" (1910—1917) стоил относительно недорого — 2 руб. в год без доставки. Это было развлекательное издание, которое публиковало истории о загадочных убийствах (murder mysteries), научную фантастику, материалы о конкурсах красоты (beauty contests), фотографии с мест катастроф, последние новости русского кинематографа и даже схемы для разучивания новейших танцев (с. 117).

были преобразованы в результативные действенные запросы" ("For the first time the literary preferences of the urban masses were translated into effective demands") [ibid.]. Успех пришел к приключенческо-детективной литературе, волна которой буквально захлестнула города. Брукс сравнивает ее популярность с популярностью "Ника Картера", "Шерлока Холмса" и других подобных произведений.

Приходит успех и к газетам-"копейкам" в Петербурге и Москве: за 10 месяцев с начала издания (19 июня 1908 г.) петербургская газета достигла тиража в 150 тыс. экз. — такого же, к какому "Русское слово" Сытина шло целых 10 лет. Основываясь на данных журнала "Русская школа" (Москва, 1912, № 9, с. 6), автор приводит сведения о читателях "копеек": "Большинство взрослого трудящегося населения" города не читало ничего, кроме "Копейки", которую держали в пивных, и, возможно, лубочных изданий, публиковавших детективы. "У Ленина не было иллюзий в этой связи, — пишет Брукс, — в тот же год он бросил клич рабочим С.-Петербурга потратить их трудовые копейки на рабочую газету" [ibid., p. 146].

«Газеты-"копейки" принесли пользу по ряду причин, — пишет далее Брукс. — Они обеспечили *живое и детальное освещение жизни городской бедноты по низкой цене*» ("The Kopeck papers did well for a number of reasons. They provided lively and detailed coverage of the world of the urban poor at a low price") [ibid.]. Брукс дает высокую оценку публикациям романов с продолжением, которые постоянно практиковались в газетах-"копейках", и сравнивает эти "эскапистские приключенческие рассказы" ("escapist adventure stories") с американскими дешевыми романами ("dime novels") с их динамичным сюжетом, отмечая при этом, что русская беллетристика была прочно связана с привычными обстоятельствами жизни рабочих и крестьянских читателей. Эту публику привлекали возвышенные и трогательные ("empathetic") характеры, сведения о далеких экзотических местах, а также наполовину научные, наполовину романтические экскурсы в оккультизм.

Через анализ литературных пристрастий русской читающей публики конца XIX — начала XX в. Дж. Брукс фактически дает картину общего культурного среза аудитории, связывая с ним формирование запросов читателей периодики. Автор формулирует закономерности культурного развития на фоне процессов, идущих в тогдашнем "индустриальном обществе": «Развитие чтения в последний период старого режима выявило ряд характерных особенностей культуры современного индустриального общества. Городская беднота сформировала <...> массовую аудиторию особой литературы — бульварных романов и "копеечной" прессы. На противоположном

конце литературного “спектра” — элитная аудитория с ее особой беллетристикой модернизма, который оставался эксклюзивным, экзотичным и закрытым для низших классов... Между этими группами располагалась значительная группа образованных и полуобразованных читателей, которым нравились повести и рассказы с ясным сюжетом и выразительными характерами» [ibid., p. 149—150].

В заключение Дж. Брукс сравнивает культурные тенденции в России и странах Запада, отмечая характерные особенности (“certain peculiarities”) русской литературы. Литература, в частности, распространилась в крестьянскую среду, а процесс миграции крестьянского населения повлиял и на состав городской массовой аудитории. Брукс выделяет пристрастие масс к “дидактической литературе”, утверждение моральных и социальных задач литературы интеллигенцией из народа. В результате, подчеркивает автор, “традиционная чувствительность масс соединилась с мечтами и усилиями культуристов-интеллектуалов, и эта массовая аудитория и образованная публика, составлявшие большинство читательской среды, продемонстрировали сходные литературные запросы: чтобы литература выполнила свою главную миссию и была верна правде жизни”[7] [ibid., p. 150].

Изучение аудитории русских газет в один из наиболее динамичных периодов российской истории — первые годы XX столетия — привлекает также Дж. Нейбергер, автора большой статьи под названием “Уличные истории: освещение фактов хулиганства в петербургской массовой печати” [Neuberger, 1989][8].

Дж. Нейбергер изучает перемены в социальной структуре русской читающей публики в 1900—1905 гг., отмечая изменения в социальном статусе и привилегиях среднего класса и динамичное взаимодействие между “низшими” и “средними” стратами. Автор рассматривает “хулиганизм” как общественный и культурный вызов и показывает функцию газеты в этой связи.

В начале XX в. Петербург “пал жертвой волны мелких преступлений и насилия, — пишет Дж. Нейбергер. — Начиная примерно с 1900 г. в прессе начали появляться все учащающиеся публикации о тревожащих публику фактах хулиганства, пьянства, закидывания камнями, выкрикивания непристойностей и т.п.” [ibid., p. 177]. Само слово “хулиганство” (“hooliganism”), как отмечает автор, пришло

[7] “The traditional sensibility of the masses and the dreams and the efforts of the culturist intellectuals conjoined in a demand, shared by a majority of readers from the educated and the mass audience alike, that literature both fulfill its holy mission and be true to life”.

[8] В 1985 г. автором была защищена диссертация на тему “Crime & Culture: Hooliganism in St.Petersberg, 1900—1914” (Ph.D.). Stanford University.

из Англии и быстро прижилось на русской почве. В 1900—1905 гг. факты хулиганства приковывают к себе внимание массовой печати. В этой связи Дж. Нейбергер выделяет *принципиальную функцию прессы*, благодаря которой доселе не имевшие четкого определения и представавшие как бы изолированными и случайными ("один среди прочих") *факты предстали в виде проблемы*, имеющей серьезное общественное значение. Роль прессы приобретает дополнительный оттенок еще и на фоне того обстоятельства, что в царской России не было законодательно предусмотренных мер, направленных против актов хулиганства; "никогда не было, — замечает автор, — даже соответствующего определения в Уголовном кодексе" ("...It would never have been defined in the tsarist criminal code and no laws were passed prohibiting it") [ibid., p. 179].

Тревожный общественный вызов автор рассматривает также и в международном контексте — в условиях "индустриального общества". В примечании к с. 177 указывается, что хулиганство "не было уникальным для российских городов явлением. Приблизительно в то же время похожие всплески преступности переживали Лондон, Париж, Берлин и Нью-Йорк" (Hooliganism "was not unique to urban Russia. In approximately the same period London, Paris, Berlin and New York City experienced similar waves of crime"). Хулиганство рассматривается здесь в целом как «признак разобщенности людей в городской среде и символ "дегенерации" низших городских слоев и опасности с их стороны» [ibid., p. 177].

Следствием, точнее, выходом из серьезного общественного противоречия становится желание "низших" классов попасть в другой социальный разряд. Как бы отвечая этому намерению, "популярная литература и газеты заполняются историями о людях, которые потеряли свое положение и привилегии, либо наоборот — об успехах и росте социальной активности" [ibid., p. 178].

«Публика, которая дала определение хулиганству, которая была шокирована и напугана им, представляла собой <...> аудиторию коммерческой прессы для среднего сословия, а также газет и массовой литературы для среднего класса. "Петербургский листок" же был самой популярной из так называемых "бульварных" ежедневных газет. Эта <...> пресса <...> так всесторонне была раскритикована русской интеллигенцией, что ее подлинные заслуги проглядели, — считает Дж. Нейбергер. — На самом деле это был хороший источник новостей, информации и развлечений; первая газета, которая соединила в себе политические, культурные и общественно значимые известия, стала, по словам ее первого редактора, "органом ежедневной жизни"» («The public that defined hooliganism, that was shocked by it and feared it, was the middle-class

commercial press and the readers of middle-class newspapers and popular literature. Peterburgsky listok was the most popular of the so-called "boulevard" dailies. This... press... was so roundly criticized by the Russian intelligentsia that its genuine merits were and have been overlooked. It was, in fact, a good source of news, information, and entertainment; the first newspaper to combine political, cultural, and social news became, as its first editor`s words, "an organ of everyday life")» [ibid., p. 179—180].

Статья Дж. Нейбергер приобретает определенный полемический оттенок, когда, рассуждая о характере бульварных газет, автор обращается к трудам проф. Б.И. Есина[9]: «Согласно Б.И. Есину, ведущему советскому историку журналистики, бульварные газеты "культивировали аполитичность", предлагая вместо серьезных материалов "легкое чтение, сенсационные слухи, происшествия, вульгарные остроты..." Этот современный советский взгляд на проблему отражает взгляды тогдашней интеллигенции на бульварную прессу...» — утверждает Нейбергер и акцентирует внимание на следующем обстоятельстве: «"Петербургский листок" печатал серьезную информацию по самому широкому кругу вопросов. Говоря откровенно, время от времени новости густо "приправлялись" слухами и скандальной информацией. Но скандалы обычно не измышлялись и, что еще важнее, они делали информацию удобоваримой для тех читателей, кого политика могла привлекать, но этот интерес носил неглубокий характер. Отвергать такой способ подачи новостей, как сенсационность, означает преуменьшать реальное значение услуги, которую подобные газеты оказывали своим читателям. *"Петербургский листок" давал информацию на уровне элементарного знакомства с серьезными фактами, поданными в доступной форме*». И в сноске Дж. Нейбергер добавляет: «Даже Есин считает, что "Петербургский листок" сообщал новости аккуратно» («According to Boris I. Esin, the premier Soviet historian of journalism, the boulevard newspapers "cultivated apoliticism", preferring instead of serious news, "light reading, sensationalist rumors, incidents, vulgar jokes..." "This modern Soviet view echoes contemporary intelligentsia views of the boulevard press, but in the case of "Peterburgsky listok" it gives a false impression of the contents and tone of the newspaper. "Peterburgsky listok" printed serious news on a wide variety of subjects. To be sure, the news at times was highly spiced with gossip and scandal. But the scandals were usually not fabricated and, more important, they made the news digestible for readers whose interest in politics may have been eager but not necessary profound. To dismiss such reporting as sensationalistic is to slight the real service such newspapers provided

[9] Напомним, что здесь идет речь о работах 1970—1980-х гг.

there readers. "Peterburgsky listok" provided a solid of rudimentary familiarity with important events, presented in an easily <eccessible> form» (Здесь сноска № 10 по авторскому тексту: «Even Esin believed that the reporting of "Peterburgsky listok" was accurate») [ibid., p. 180].

В своей статье Нейбергер использует также некоторые выводы, сделанные ранее Дж. Бруксом о характере аудитории, занявшей в начале XX в. промежуточное положение между малообразованными простыми людьми и высокообразованной «старой интеллигенцией». Эта аудитория начала заявлять о своих вкусах и выражать желание, чтобы они были признаны окружающими [ibid., p. 181]. Таким образом формировалась массовая аудитория печатных изданий.

В работе рассматриваются также и жанровые особенности криминальной темы в газетах. Автор выделяет три типа публикаций: хронику, репортаж и отдельные статьи "по случаю" [ibid., p. 182].

В заключение Нейбергер подходит к выводам о социально-психологических особенностях функционирования связки "читатель — газета" в России начала XX в. В этой связи поднимается вопрос о социальном страхе, отражением которого могло быть постоянное внимание к определенным темам: выражали ли газеты этот страх своей аудитории перед проблемами современной жизни или же просто объективно освещали события? Автор склоняется к мысли об объективной роли газетной информации на примере газет-"листков", в первую очередь "Петербургского листка", утверждая оптимальность и закономерность функционирования подобного рода изданий в контексте "городского индустриального общества" той эпохи.

К изучению самой распространенной газеты России — "Русскому слову" — еще в 1984 г. обратилась Л. Макрейнольдс в своей диссертации «Новости и общество: "Русское слово" и развитие массовой печати в последние годы Российской империи» [McReynolds, 1984]. В центре этой работы опять-таки вопросы, связанные с ростом популярности газетных изданий, а также с состоянием читательской среды.

Говоря о причинах возникновения массовых газет и их успехе, исследовательница указывает на заметное сближение между журналистом и читателем: и один и другой — в равной степени «продукт своего времени», эпохи перемен. «Несмотря на различие интересов в читательской среде, всеобщая популярность газет основывалась на появлении новых читателей. Газетные материалы были написаны новым языком — таким, который был понятен обычным читателям своей точностью и простотой. Язык газеты создавался новым типом интеллектуала — репортера, который, как и его читатели, был детищем эпохи перемен. Поскольку для того, чтобы стать журналистом, не выдвигалось никаких профессиональ-

ных требований, газеты давали возможность сделать карьеру людям, стоявшим в "социальном арьергарде", в том числе амбициозным женщинам, евреям и представителям низших общественных классов», — указывает Л. Макрейнольдс[10].

Изменения, происходившие в системе печати, автор оценивает как прямое влияние глубоких перемен в российском обществе в последние десятилетия царской России. На этом фоне "появилось множество конкурирующих газетных изданий как следствие, с одной стороны, потребности в информации, с другой — необходимости удовлетворить растущее любопытство читателей по отношению к жизненным явлениям, лежащим за пределом их ограниченного будничного кругозора", — отмечает автор.

Макрейнольдс обращает также внимание на социальные ориентиры «идейных» и «популярных» газет тех лет, основываясь на прессе Москвы и С.-Петербурга. Эти издания ориентировались, по ее мнению, на "плюралистическую аудиторию" ("pluralistic reading public"): «"Русское слово", наиболее распространенная из русских дореволюционных газет, выделилась особо благодаря обращению к широкой аудитории» («"Russkoe slovo", the most widely circulated of the pre-revolutionary dailies, stood out for its appeal to a broad audience»).

Заключительное положение диссертации, как и предыдущее, в целом соответствует представлению, сложившемуся у отечественных историков русской журналистики, и связано с оценкой политики правительства по отношению к печати в период первой русской революции: «Царское правительство, — пишет Макрейнольдс, — сознавало растущий авторитет массовой печати и предпринимало попытки противодействовать этой популярности с помощью института официальной прессы. Чиновники тем не менее никогда не могли сформулировать политическую позицию, привлекательную для массовой аудитории. С.Ю. Витте был единственным чиновником, поднявшимся до понимания всей запутанности отношений между прессой и аудиторией, однако его инициативы сотрудничества с редакторами потерпели неудачу после того, как сам он в 1906 г. лишился расположения императора. Неуверенные попытки чиновников "продать" читателям свои политические намерения выявили не только непопулярность самодержавия, но также и не-

[10] "Despite the differences in interests among the various reading publics, the overall popularity of the newspapers pointed to the emergence of a new reader. Newspapers were written in a new language, one that was comprehensible to ordinary readers because of its directness and simplicity. The language of the newspapers was created by a new type of intellectual figure, the reporter, who was, like readers, a product of the changing times. Because there were no professional requirements for becoming a journalist, newspapers offered career opportunities to persons of divers social backgrounds, including ambitious women, Jews, and members of the lower classes".

способность правительства осознать размеры происходящих в обществе перемен»[11].

Тремя годами позже, в 1987-м году, в "Гарландской серии выдающихся диссертаций" (серия "Современная европейская история") были опубликованы результаты исследований, также связанных с проблемой отношений русского правительства и газетной прессы, — теперь уже на примере газеты "Сельский вестник": Джеймс Г. Крукоунс. "К народу" (Русское правительство и газета "Сельский вестник" в 1881—1917 гг.) [Krukones, 1987].

Основная часть диссертации состоит из четырех глав: «За строкой: основание и функционирование "Сельского вестника" в 1881—1905 гг.» — Гл. I («Behind the lines: the foundation and operation of "Selsky vestnik", 1881—1905» (Ch. I)), «Между страниц: содержание "Сельского вестника" за 1881—1905 гг.» — Гл. II («Between the covers: the contents of "Selsky vestnik", 1881—1905» (Ch. II)), «От народа: реакция публики на "Сельский вестник", 1881—1905 гг.» — Гл. III («From the people: public response to "Selsky vestnik", 1881—1905» (Ch. III)), «В зеркале: реформа и распространение "Сельского вестника", 1905—1917 гг.» — Гл. IV («Through the looking glass: the reform and expansion of "Selsky vestnik", 1905—1917» (Ch. IV)).

В своей работе автор называет "Сельский вестник" "народной газетой", несомненные черты которой, по его мнению, она приобрела к 1917 г.: фактически этот вывод суммировал логику проведенного исследования, охватившего более трех с половиной десятилетий существования издания.

Интересно, что одной из функций этой газеты наряду с "особой политической миссией" [Krukones, p. 245] автор называет особенность, давно отмеченную и современниками той эпохи, и позднейшими отечественными историками, — правда, в связи с совсем другим изданием, "Русскими ведомостями". Эта особенность — просветительская, воспитательная функция газеты. Причем, как считает Дж. Крукоунс, "то, что это воспитание зачастую имело также политический подтекст, не снижало потенциальную ценность его для крестьянина, помогая ему создавать для себя более прочное и, возможно, более преуспевающее положение" ("That this education often had a political dimension too did not lessen its

[11] "The tsarist government was aware of the growing authority of the mass-circulating newspapers, and it tried to counter their popularity with its own institutions of official journalism. Officials were never, however, able to formulate a comprehensive policy for attracting a mass audience. S. Witte was the only official of stature to understand the complexity of the relationship between the media and their audiences, but his initiatives of working with editors were aborted after his fall from imperial grace in 1906. The officials' uncertain efforts to sell their policies to readers revealed not only the unpopularity of the autocracy, but also an aspect of the inability of the government to comprehend the dimensions of social changes taking place" [McReynolds, 1984].

potential value to a peasant, helping him to create a more endurable and perhaps more prosperous existence for himself") [ibid.].

Несмотря на определенную спорность некоторых положений работы, в ней содержатся полезные фактические данные — например, о бюджете "Сельского вестника" в 1884 и 1898 гг., о подписчиках — в том числе, в Европейской России и Польше, взятые из российских архивных источников.

Таким образом, исследования современных зарубежных ученых в области дооктябрьской журналистики России, с которыми удалось ознакомиться автору этой публикации, представляют широкий круг тем и проблем. Большая их часть хорошо знакома, освоена и продолжает осваиваться отечественными исследователями. Западные коллеги часто демонстрируют «родственный» нам подход к поднимаемым вопросам, объективность в освещении главных исторических закономерностей эволюции российской печати. Однако есть здесь и оригинальные точки зрения, к которым, очевидно, имеет смысл обратиться в отдельном очерке.

**Список литературы**

*Brooks J.* Readers and Reading in the End of the Tsarist Era // Literature and Society in Imperial Russia. Stanford, 1978.

*Krukones J.H.* To the People (The Russian Government & the Newspaper "Selsky Vestnik" ("Village Herald") 1881—1917). N.Y.; L., 1987 (издано в сер. Modern European History. A Garland Series of Outstanding Dissertations).

Literature and Society in Imperial Russia, 1800—1914 / Ed. by W.M. Todd III. Stanford, 1978.

*McReynolds L.L.* News & Society: Russkoe Slovo and the Development of a Mass-Circulating Press in Late Imperial Russia: Ph. D. Thesis. The University of Chicago, 1984.

*Neuberger J.* Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersberg Popular Press // Slavic Review. 1989. Summer. Vol. 48, N 2.

Поступила в редакцию
22.01.2010

*Поправка к № 3 2010 года:*
на с. 92 в 3-м абзаце сверху следует читать "Градовский", а не "Грановский".